

Франция. Все радости жизни

Автор:

Анна Волохова

Франция. Все радости жизни

Анна Александровна Волохова

Где русскому жить хорошо?

Мечтаете жить во Франции? Хотите есть устрицы и сыр с плесенью на завтрак, обед и ужин? Планируете выйти замуж за француза, галантнейшего из мужчин? Собираете документы во французский вуз? Думаете купить здесь дом, чтобы на старости лет тихо и спокойно в него переехать? Тогда вам просто необходимо прочитать эту книгу!

Анна Волохова расскажет о жизни Франции изнутри. Что такое «свобода, равенство и братство» по-французски? Как французы относятся к русским иммигрантам? Стоит ли мечтать о браке с французом? Почему во Франции самый высокий уровень рождаемости в Европе и как живут русские девушки, родившие детей от французов? Как русскому найти работу во Франции и как вести бизнес с французами? О семье, о еде, о менталитете и многом другом!

Книга также издавалась под названием «Франция. Начни жить с удовольствием».

Анна Волохова

Франция. Все радости жизни

Посвящается Лине Корниловне Табашниковой

Благодарность

Спасибо Сергею за поддержку и добрые советы, Марине и Андрею за то, что они самые чудесные дети на свете, Алене, Марине, Александрам и Коле за то, что они меня все-таки чему-то научили, моей сестре Асе за то, что ей надо показывать пример, в котором она не нуждается, и, конечно, моим французским, русским, австралийским и т. д. друзьям – за то, что постоянно спрашивали: «Ну ты как там, дописала свою книжку?» Дописала.

Введение

Франция – по посещаемости туристами первая в мире страна. Все здесь прекрасно – и еда, и отели, и музеи, и магазины. Только цены на отели высокие, ну ничего. Не каждый же день – в Париж!

Все бы хорошо, если бы не... французы. Туристы восхищаются макаронами, но ругают официантов, которые эти макароны приносят через час, ходят за покупками на авеню Монтень и клянут сервис в бутике, где – о ужас! – брюки за полторы тысячи евро не подшивают немедленно, и считают парижан снобами и выскочками.

Людей, которые не любят французов, объединяет одно – они не говорят на их языке. А значит, превратно судят о многих вещах, которые им удалось здесь увидеть или услышать. Те же, кому посчастливилось когда-то проштудировать все тонкости языка Бальзака, непринужденно болтают с продавцами яблок на рынке и, как заправские французы, называют консьержек и дворников «мадам» и «месье». Они знают: если общаться с местным населением на хорошем французском, любой, даже самый заносчивый «лягушатник» будет вам лучшим другом. Потому что высокомерие, с которым с вами говорят по-английски, лишь прикрывает стеснение: говорят-то, скорее всего, отвратительно. И вообще, французы гораздо проще и понятнее, чем кажутся. О чем и рассказывает эта книга.

Глава 1

Париж

Париж – центр Вселенной. Поселиться в Париже для француза – значит преуспеть

«Париж – это праздник, который всегда с тобой», – сказал американский писатель и большой любитель покутить Эрнест Хемингуэй. Трудно с ним не согласиться! Особенно если бывать в этом городе наездами по пять дней, тратить все деньги в магазинах и ресторанах, а затем уезжать домой – зарабатывать дальше. Желательно еще и иметь здесь «*pied ? terre*», буквально «ногу на земле» – так у французов называется своя квартира в другой стране или другом городе, куда приезжают пожить временно. У кого-то «нога» – это 10 метров, а кто-то обладает парочкой этажей напротив Лувра.

Знаю русских, которые живут именно так. Знаю и таких, у кого в России нет ни квартиры, ни стабильной зарплаты – но они все деньги, которые зарабатывают в своей стране, тратят в поездках во Францию, создавая себе иллюзию хорошей жизни. Такой вот роскошный номадизм. О, если бы все русские евро, которые съедаются в парижских ресторанах, уходили на полезные дела дома!

В Париже легко оторваться от реальности. Стоит только взять номер в одном из роскошных отелей, которые во Франции называются «дворцами», «*palace*» – например, в Le Meurice, который выходит прямо на сад Тюильри, или в Plaza Athenee, стоящем прямо на авеню Монтень, где расположены бутики самых-самых элитных марок одежды – и вы уже где-то далеко, парите среди олигархов и шейхов, а вокруг куча красивых людей, которые только и делают, что спрашивают вас, чего же вы еще хотите. Даже ваша бабушка так не умеет! Пожить этой сказочной жизнью хотя бы раз не вредно. Как минимум для того, чтобы понимать, нужно ли вам вообще о таком мечтать.

В Париж едут именно за этим ощущением, пусть и не все – во «дворец». И почти всем, кто здесь окажется, рано или поздно доведется испытать это

восхитительное чувство, что весь мир остается где-то далеко, и понять, что вот да, именно сейчас, в этот момент, вы действительно живете. Кто-то осознает это, сидя теплым осенним днем в саду Тюильри на неописуемой красоты светло-зеленом металлическом стуле Luxembourg (куплю такой на дачу под Волоколамском, обещаете себе вы). Кто-то – проезжая вечером в такси по пустой набережной Сены, любуясь мостом Александра Третьего, деньги на возведение которого Парижу дал кто? Российский император Александр III. А кто-то – поедая entree (не говорить же «закуска») из фуа-гра в ресторане Пьера Ганьера...

Внимание! Не верьте этому чувству. Это чистой воды иллюзия. Париж – это мираж. Живете вы каждую минуту, а Париж просто напоминает вам о том, как прекрасна ваша жизнь, одновременно опустошая ваш кошелек. Почитайте русских классиков, там у них про это, про Францию и про бюджет, хорошо написано. Берегите деньги!

Но туристы со всего мира все равно едут и едут, едут и едут, и Париж, мало того что один из самых перенаселенных городов планеты, стал еще и самым посещаемым. А туризм теперь – главный источник доходов городской казны. Вы только подумайте, все налоги, которые здесь дерут нещадно с каждого блинного ларька, не говоря уже о частных корпорациях вроде L’Oreal, не сравнятся с деньгами, которые несут нашей мэрии покорные туристы! В туризме или связанных с ним областях задействованы 150 000 постоянных рабочих мест и еще столько же временных. Это значит, что каждый десятый парижанин либо работает в туристическом секторе, либо получает доходы благодаря ему.

Вот, например, зайдите ради интереса на любой сайт, на котором можно напрямую снять квартиру у местного жителя. Правильные туристы, которым «дворец» не по карману, теперь делают только так. Хватит сходить с ума, переплачивая за 5-метровые комнаты и гадкий кофе на завтрак. На этом сайте вы увидите парижских учителей и пенсионеров, которые сдают прелестные 20-метровые студии за 200 евро в день, отдавая за них по 400 евро кредита в месяц. Вот это да! Но разве жалко нам каких-то 200 евро, чтобы хотя бы на несколько дней почувствовать себя парижанином? «Приеду всего на 4 дня, хочу квартиру только с видом на весь город, на крыши Парижа», – заявляет моя подруга. Она готова тратить деньги на вид! А кто не готов? Я и сама этой весной смотрела на Эйфелеву башню из окон роддома, сидя со своим только что родившимся младенцем на руках. «Мам, ты тут как на каникулах», – заявила мне пришедшая посмотреть на братика дочь, разглядывая башню в окно. О каком «бейби-блюзе» тут вообще может идти речь? «Жизнь удалась!» – примерно в

таком духе были мои мысли. Как и у любого иностранца, наконец-то спокойно севшего любоваться Эйфелевой башней на террасу ресторана или, еще лучше, собственного балкона, как будто он раньше ее никогда не видел! Башня – символ роскоши, с этим не поспоришь. А «быть парижанином – значит не родиться в Париже, а родиться здесь заново», – спасительная фраза Саши Гитри, родившегося в Петербурге, для этого города очень подходит. Любой из нас – потенциальный парижанин, и ни один коренной житель, втайне страстно желающий, чтобы все «понаехавшие» вернулись обратно, не в силах с этим ничего поделать. Мы все, все любим Париж. А те, кто говорит, что его не любит, просто что? Правильно – не говорит по-французски, поэтому ничего вообще не понимает. Пусть тогда молчит.

Да, приехать в Париж и потратить здесь деньги – под силу каждому, кто может их заработать. И удовольствие не обязательно связано с количеством денег. Большинство людей, особенно приехавшие сюда первый раз, приходят в странновато-блаженное состояние, просто прогулявшись по Парижу (те, кто гуляет слишком много, это состояние сохранить не успевают). Серо-зеленые стволы платанов, низкие мосты, графитовые крыши, окна с завитушками на решетках... Красота, действительно, спасет мир, и вас, кажется, тоже.

И вот от этой красоты вы уже не можете оторваться. «Все, хочу жить здесь», – говорите вы. Давайте-давайте, попробуйте здесь поселиться! Найти работу, любимое жилье, основать семью... Чем только не жертвует среднестатистический гражданин, чтобы жить в Городе Огней и иметь возможность 24 часа в сутки смотреть на Эйфелеву башню (ну или кто что любит: мост Александра Третьего, Сену, баржи, сад Тюильри и т. д.)!

Прежде всего, деньгами. Возьмем запредельные цены на квартиры. Меньше 10 тысяч за метр здесь нынче не берут. Если наш мечтатель небогат, как 99,9 % читателей этой книги, но у него есть немного наличности для кредитного взноса, он будет покупать квартиру в кредит. Если наличности нет – снимет жилье. Но и это сделать непросто – так непросто, что в книге про это есть отдельная глава. И в том и в другом случае большая часть его денег будет уходить на оплату за то, чтобы чувствовать себя парижанином. Смешно: маленькая 53-метровая квартира в Париже может продаваться по более высокой цене, чем 540-метровый замок с гектаром земли под Тулузой. Вам что больше по душе, квартира или замок? И вот ты приезжаешь из этой провинции, где такие чудесные цены и спокойная жизнь, и думаешь: «Сумасшедшие люди, носятся тут, как угорелые, и отдают последние копейки банкам и квартирным владельцам».

А потом тебя тоже «засасывает». «Этот город обладает уникальной способностью влюблять в себя людей на всю жизнь», – говорит моя американская знакомая, которая живет в Париже уже 20 лет. Иностранки снимают свои туфли на каблуках и яркие платья и переодеваются в серые джинсы и обувь на плоской подошве, чтобы удобнее было ходить пешком, а их мужчины, представители стабильного среднего класса, начинают подсчитывать, сколько нужно работать, чтобы купить уютную малюсенькую 70-метровую квартиру в приемлемом округе. При нынешних ценах до самой старости, наверное, купить так и не удастся.

Или – школы. Думаете, поселись вы в Париже, городе ученых, художников и других «культурных людей», и ваш ребенок обязательно пойдет в отличную школу? Смешно! Это все равно что думать, что, переехав в Калифорнию и начав «стартапить», вы обязательно создадите второй Google. Борьба за рабочие места, которых в стране становится все меньше и меньше, начинается еще с пеленок. Если вы и продеретесь через все преграды, которые ставит вам на пути демография (детей в последнее время во Франции появляется на свет как-то слишком много, а хороших школ по-прежнему мало), и найдете-таки учебное заведение, не факт, что вас, то есть, простите, вашего ребенка, туда возьмут. И, возможно, надо будет еще сдать экзамен. Не самая приятная вещь для человека 3–5 лет.

Или вот транспорт. Вам, наверное, нравится гулять по Парижу, но по делам вы предпочитаете передвигаться на своей машине. Однако в Париже она вряд ли будет доставлять вам удовольствие. Скорее, станет причиной дополнительных стрессов: от парковки, которую можно искать часами, до бесконечных штрафов, которые обожают выписывать по любому поводу сердитые и нервные парижские полицейские.

Я вот, например, живу рядом с Трокадеро, и под домом у меня кафе. Совершенно обычное парижское кафе с красной вывеской, куда ходят рабочего вида дядьки (откуда только они здесь берутся?) – поиграть в лотерею и выпить пива, а вовсе не вина. Рядом с кафе – стоянка с желтыми линиями, которая означает, что парковаться здесь могут только машины, что-нибудь доставляющие (livraison). Я регулярно вижу из окна, как с этой стоянки увозят неправильно припаркованные машины. С вами тоже такое может случиться. Так что проще, наверное, ездить на метро? Нет, это вообще параноя, там такие узкие перроны, что любой сосед в тесной толпе кажется потенциальным «сталкивателем» под поезд... Тогда на

такси? Тоже сомнительное удовольствие, таксисты попадаются агрессивные и нервные, норовят провезти вас по не самому краткому маршруту, и вообще поймать такси на улице не так уж просто. Ужас! Так что какие тут «дворцы»... Привыкайте. Зато красиво.

Но все-таки иностранцу в Париже жить интересно. Это совершенно особый жизненный уклад, новые впечатления каждый день, любопытный «мультикультурный» опыт адаптации к новой среде. Жить в Париже – это не обязательно жить как-то лучше или успешнее. Здесь живут просто ради того, чтобы здесь жить, и точка. Зато вот для любого француза поселиться в столице – это значит преуспеть. «Monter ? Paris», «подняться в Париж», эта расхожая фраза – провинциальная, конечно, ни один парижанин так не скажет – говорит сама за себя. Это значит – взойти на одну ступеньку социальной лестницы выше, «бороться и искать», все-таки найти и показать наконец этому миру, что ты можешь чего-то добиться. Это значит – жить интересной жизнью – или верить в то, что твоя жизнь интересна. Это значит – ходить по выходным в лучшие музеи и на мировые выставки и каждый раз посещать новые рестораны – если, конечно, остаются деньги после всех выплат по квартире. Не всякий может «monter ? Paris». А когда человек «взойдет» сюда, эту фразу он должен забыть – как и весь свой провинциальный лексикон.

Отношение парижан к провинциалам и наоборот

Кстати о провинциалах. Это вообще отдельная категория французов. Хотя, постойте, это же и есть французы. Их ведь большинство. А парижане – это просто парижане, представители государства в государстве. Все как у нас, только без нефтедолларов.

Сейчас многие парижане – и те мои знакомые русские, которые успели стать парижанами, приехав сюда за тем самым «отрывом от реальности» (а потом в эту реальность ка-а-к вляпались) – прямо-таки сбегают из Парижа в поисках лучшей жизни, выраженной во Франции в основном в количестве квадратных метров. А все потому, что цены на квартиры стали просто астрономическими. За последние годы, я живой этому свидетель, они взлетели не знаю на сколько процентов. Посчитайте сами. Трехкомнатная квартира в пятом округе, которую в

2007 году можно было снять за 1400 евро, теперь меньше чем за 2000 никому не достанется. С покупкой еще хуже. В провинции можно приобрести дом с бассейном за цену студии в парижском предместье – это в предместье, а не в Париже! При этом жизнь в пригороде – это совсем не мечта, и даже совсем не жизнь в Париже. До офиса вы добираетесь час или два на машине или на региональной электричке, и после рабочей недели, в выходные, вам хочется только одного – забыть про транспорт и про машину и посидеть в саду или поваляться на диване. Подождите, вы же собирались тут жить, чтобы ходить в музеи и посещать прекрасные рестораны? Почему вы сидите на диване?

Согласно данным, опубликованным региональным центром исследований охраны труда региона Иль-де-Франс (он объединяет Париж и парижское предместье), восемь из десяти молодых жителей до 35 лет хотят уехать куда-нибудь подальше, и 38 % из них уже «собрали чемоданы». Большинство из этих людей – представители пресловутого «креативного класса». Дизайнеры, архитекторы, программисты, переводчики уезжают не только потому, что в парижском регионе все деньги уходят на жилье. Им не нравится качество жизни, не нравится тратить время на дорогу на работу. Они ищут возможности для самореализации и хотят чаще бывать со своей семьей.

Многие провинциалы не любят Париж. Они все время об этом говорят – повторяют эти слова, прямо как заведенные. По разным причинам – жить нелегко, суета, в ресторанах не поешь по-человечески, квартиры маленькие, ну и «эти парижане». Только заведешь с ними разговор, они сразу начинают вываливать на тебя все доводы, по которым жизнь в Париже – просто какая-то тоска зеленая, и объяснять, почему они сделали правильный выбор.

Конечно, эти провинциалы чуточку смешны. Не только потому, что улыбаются – как забавно видеть в метро эти румяные, радостные лица, разглядывающие Эйфелеву башню в окно поезда, идущего по мосту между остановками Passy и Bir-Hakeim (очень советую проехаться, вид в сто раз лучше, чем с террасы ресторана в Музее на набережной Бранли, и тоскливые физиономии «местных» с ними рядом, делано уткнувшихся в телефоны! Не только потому, что говорят с акцентом – чем южнее, тем непонятнее. И не только потому, что на них нет дорогой одежды – у них там радости гораздо более гастрономического свойства. А потому, что они... совсем другие. Они смеются. Они шутят и громко говорят. Они не всегда взвешивают каждое свое слово. Они не стесняются своих эмоций. В общем, ведут себя, как живые люди.

Парижане снисходительно относятся к провинциалам. Если провинциалы в открытую, демонстративно не любят парижан и с радостью об этом говорят, то парижанам до провинциалов... Ну как бы это сказать? В общем, им все равно. У них другие темы для разговоров. О чем говорит парижанин? Это начитанные, культурные люди, которые живут в городе, где слишком много соблазнов, а денег у них не всегда много. Вот они и говорят о культуре и о деньгах. Еще бывают такие, которые говорят только о культуре или только о деньгах.

Для парижанина существует Париж и вся остальная страна, бескультурная пустыня. Впрочем, есть местечки, куда еще как-то можно ездить, в основном потому, что там собираются другие парижане и можно кое-как существовать – сидеть в кафе и украдкой смотреть друг на друга, совсем как в Париже. Например, в Нормандию – в Довиль, Трувиль и курорты неподалеку. Или на Лазурный Берег – в Канны или Антиб. Ну а в феврале – начале марта (эти школьные каникулы так и называются – «vacances de ski», «лыжные каникулы», на Новый год и Рождество никто на лыжные курорты не ездит, слишком короткий день и мало солнца) – обязательно в горы, в Межев или Куршевель, в Вальморель или в Мерибель. За парижанином, специалистом по планированию каникул, не угнаться – он за полгода уже знает, куда поедет, и если вы хотите встроиться в его тесное расписание, предупреждайте его о встрече заранее.

Где лучше жить иностранцу: в провинции или в Париже?

«Настоящей Франции» в Париже нет. Как в любом крупном городе, меня здесь окружают люди всех национальностей – от итальянцев и китайцев до шведов и бразильцев. Они приезжают сюда учиться или работать «на несколько месяцев». Затем продлевают и продлевают свои документы, ищут работу, влюбляются, женятся, заводят детей... Сколько моих знакомых – русских, американцев, бразильцев – приехали сюда учиться или работать и потом не смогли уехать?

В Париже нет того качества жизни, которое можно найти в провинции. Здесь маленькие и дорогие квартиры, шумно, грязно, неудобно иметь собственную машину, которая, согласитесь, приятно облегчает жизнь, слишком много плохих и дорогих ресторанов.

Здесь очень интересно жить. В Париже организуются лучшие выставки мира, проходят потрясающие премьеры и спектакли. Но есть люди, которые обходятся без выставок и кино, предпочитая им здоровую еду и свежий воздух. В провинции, особенно в небольших городах на юге, можно хорошо поесть – и хорошо, спокойно, жить.

Но парижане – и коренные, и «неместные» – упрямо держатся за свои квартиры, которые им так нелегко достаются (об этом позже), и страдают, страдают от обилия предоставленных им возможностей, которыми не получается воспользоваться... Поэтому кто по-настоящему наслаждается Парижем? Да, вы угадали – это мы, туристы. И я тоже. Я не родилась здесь и никогда уже родиться не смогу, и, честно говоря, мне гораздо приятнее быть москвичкой, которая живет в Париже, чем, наверное, было бы, родись я здесь. Я бы не смогла, как часто бывает с «местными», оценить все прелести города, в котором живу. И, наверное, уехала бы отсюда куда-нибудь подальше, как делают некоторые парижане, например, в... Москву. А что? Читали про молодых французов, которые весной торговали блинами на улицах Москвы? Вы могли такое себе представить лет 15 назад? Времена меняются...

Парижские округа. Где жил д'Артаньян, а где – русские художники?

У этого города, в котором еще до Рождества Христова бесконечно что-то сносили, надстраивали и перестраивали, чересчур запутанный план. И такое же путаное метро. Даже не представляю себе, как здесь разбираются люди, которые по-французски не говорят.

В Париже 20 округов. Округа пронумерованы римскими цифрами по спирали: первый под вторым, третий над четвертым, и т. д.

Было бы логично полагать, что чем меньше номер округа, тем престижней квартал – ближе к центру, Нотр-Даму и прочим знакомым туристу прелестям столицы. Но это не совсем так. Второй округ совсем не так престижен, как шестнадцатый. Первый округ, в котором находится Нотр-Дам, неплох, но по желанности не сравнится ни с шестым, ни с седьмым. Так что слово «центр» не имеет в Париже такого магического смысла, как, например, в Москве.

Я очень люблю шестой округ, хоть и живу теперь в шестнадцатом. Правда, он один из самых дорогих в столице. По дороговизне за ним сейчас «подтянулся» и пятый, в котором находится Латинский квартал, где располагается университет Сорбонны и другие учебные заведения. Рост престижа этих округов, в особенности у зажиточных семей с детьми, можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, давно возникшей популярностью этих европейских мест, похожих на деревню в городе, у американцев и, как следствие, ростом цен и появлением люксовых бутиков и ресторанов. Небольшие дома, тихие улицы без излишнего потока машин, хорошая еда, прекрасные рынки вроде экорынка на бульваре Распай, отсутствие деловых зданий и офисов, создающих дополнительный трафик... Ну и, конечно, Люксембургский сад, большой парк в центре города, в котором находится здание Сената, верхней палаты Парламента Франции. Он хорош тем, что здесь с детьми просто раздолье. В фонтане перед Сенатом можно пускать деревянные кораблики, которые здесь дают напрокат, ближе к улице Ассас есть огромная детская площадка, закрытые качели, старинные киоски с блинами, сахарной ватой и конфетами. Взрослым тоже хорошо: по периметру сада идет беговая дорожка, на которой ближе к вечеру парижане совершают пробежку, а в центре сада теннисные корты, куда так хорошо прийти поиграть перед работой. В той же части парка, которая оформлена в английском стиле, приятно просто посидеть с книжкой на металлическом стуле Luxembourg, позагорать, полюбоваться на огромный газон, по которому, к сожалению, ходить нельзя. В саду есть еще оранжерея и ульи – в парке проводятся курсы пчеловодов.

Во-вторых, в этих местах лучшие школы и лицеи, в которые берут без экзаменов, если ребенок «прописан» в квартале. Чтобы доказать, что ребенок «прописан», родители приносят счет за электричество и за газ на свое имя. Вот и оказывается, что в квартире, в которой живет одна старенькая бабушка – в этих округах много пенсионеров, молодым парам здесь из-за роста цен селиться не всегда по карману – получают почту и ее дети, и ее внуки – всего человек 10... Вам это что-то напоминает? Мне тоже.

Именно здесь, в шестом округе, в квартале, где располагается церковь Сен-Сюльпис, на улице Могильщиков, которая сейчас называется улицей Сервандони, по приезду в Париж поселился д'Артаньян. Позже он переместился в дом на углу улицы Бак и набережной Вольтера, тоже в шестом округе, о чем свидетельствует табличка – поищите ее, это здание напротив Лувра.

Рядом с шестым – седьмой округ, самый дорогой в городе. Со стороны шестого округа его граница проходит по улице Сен-Пер, со стороны пятнадцатого – по авеню Сюффрен. В этом округе находятся красивейшие достопримечательности Парижа. На его границе стоит Эйфелева башня и великолепное здание Музея примитивного искусства на набережной Бранли, которое создал Жан Нувель, один из самых известных французских архитекторов и лауреат Притцкеровской премии. Здесь находится Дом инвалидов, роскошное здание, возведенное при Людовике XIV для ветеранов и инвалидов войны, Музей импрессионизма Орсе, располагающийся в здании бывшего вокзала, и музей Родена, где можно не только посетить Музей, но и отдельно купить билет в сад. В седьмом округе также расположены официальные учреждения: Матиньонский дворец, официальная резиденция премьер-министра, или Национальная ассамблея, нижняя палата Парламента Франции. В этой части Парижа любит селиться cr?me de la cr?me модной публики: у знаменитого стилиста Карин Ройтфельд, дизайнеров Карла Лагерфельда и Марка Джейкобса квартиры именно здесь.

Самый центр – это первый, второй, третий и четвертый округа. В первом округе находится Нотр-Дам, остров Сен-Луи, самые старые дома Парижа и самые туристические рестораны города. Пожалуйста, не садитесь в кафе с видом на достопримечательность. Ничего вкусного вам съесть не удастся. Главное правило туриста в Париже работает всегда. Зато весной около Нотр-Дама расцветают сумасшедшей красоты персиковые деревья – вот под ними посидеть очень рекомендуется.

Во втором округе находится знаменитый Сантье, швейный квартал, откуда вышли многие французские модные марки нижнего и среднего ценового сегмента. Также в этой части Парижа находится французская версия «силиконовой долины», помещения для коворкинга и инкубаторы. Здесь уже обосновалась ассоциация Silicon Sentier, где стартапы могут найти помещение или партнера, подать заявки на участие в инкубаторе Glii, который спонсирует Google и который подобен американскому Y Combinator. Свой инкубатор, который ориентирован на проекты, развивающиеся за рубежом, здесь есть и у Microsoft – он называется Shark. Четвертый округ – это Маре, то есть «болото» – когда-то весь Париж был одной сплошной болотистой местностью. Есть версия, что слово, от которого произошло первое название Парижа – Лютеция – происходит от галльского «болото». В Маре раньше селилась знать, построившая роскошные особняки, которые называются h?tels. Очень красивый «отель» – это H?tel de Sully, который министр финансов Генриха IV купил в 1634 году и где проходят выставки фотографии, или H?tel de Beauvais. Сегодня здесь живут и тусуются представители сексуальных меньшинств, находятся многие музеи и галереи

современного искусства, а также сосредоточена большая еврейская община. Третий же округ, часть которого также занимает Маре, из-за близости к четвертому становится все более и более дорогим. Шестнадцатый округ, где располагается бо́льшая часть посольств и консульств, когда-то считался оплотом парижской буржуазии и остается одним из самых дорогих и престижных в городе. В первой половине XX века здесь жили представители русской эмиграции, уехавшие в Париж после революции, – среди них Сергей Лифарь и Сергей Рахманинов. В доме на авеню Эйло неподалеку от Эйфелевой башни обитал Федор Шаляпин. В этом округе также жили Мария Каллас, Брижит Бардо, Франсуаза Саган, Оноре де Бальзак.

В шестнадцатом округе также много потрясающих музеев, располагающихся на Трокадеро или рядом с площадью Йена. Мне несказанно повезло – я живу в этом месте и очень люблю, как и многие парижане, в выходные с утра сходить в один из них: Музей модернизма, Музей архитектуры, Токийский Дворец, в котором проходят выставки современного искусства, а также, конечно, в Гиме, музей восточных искусств.

В четырнадцатом округе, а именно – в квартале Монпарнас, в начале века жила творческая интеллигенция – Сальвадор Дали, Гийом Аполлинер, Альберто Джакометти, Эжен Ионеско и другие. Здесь селились и русские, приезжавшие в Париж за вдохновением. Среди них художники Марк Шагал, Андрей Ланской, Хаим Сутин, Маревна, скульптор Осип Цадкин. Здесь по-прежнему много мастерских и резиденций художников. Сейчас в поисках артистической атмосферы в четырнадцатом округе приобретают квартиры поклонники искусства со всего мира. Атмосфера действительно особенная: в одном доме до сих пор сохранились мастерские художников, в другом – жил Ив Кляйн, через дорогу – Фонд Картье, где проходят выставки современного искусства...

Помимо того, что Париж делится на Левый и на Правый берег – об этом чуть позднее – его округа часто разграничивают на восточные и западные. Западная часть буржуазнее и престижнее, об округах, которые ее составляют, я рассказала выше. Их обычно называют beaux quartiers – красивые, престижные кварталы.

В восточной же части Парижа когда-то жил рабочий люд. Сегодня с ростом цен на недвижимость эти округа постепенно приобретают лоск. Некоторые из них стали относительно престижными и приобрели популярность среди успешных представителей креативных профессий, которых во Франции называют

«богемными буржуа» (bourgeois bohème, «bobo»). Своеобразие квартир в этих кварталах заключается в том, что многие из них находятся в помещениях бывших ателье и фабрик. Поэтому в них высокие потолки, широкие окна, в том числе и в крыше, и отсутствие перекрытий – другими словами, это стопроцентные лофты.

Восточная часть – это, например, десятый округ, который расположен рядом с каналом Сен-Мартен. Канал, прорытый еще во времена Наполеона для того, чтобы доставлять в Париж свежую воду из канала Урк, не очень известен туристам, предпочитающим прогулки по Сене и ее набережной. Но парижского своеобразия в нем ничуть не меньше – особенно красивы высокие мосты и шлюзы, через которые ходят маленькие экскурсионные теплоходики. До недавнего времени это был рабочий, простонародный округ. Сегодня же здесь открылись модные бары, бутики и кафе и поселился креативный класс, фанаты квартир с видом на канал. К восточной же части относится и одиннадцатый округ, где раньше располагались мебельные ателье и где до сих пор можно найти замечательные магазины с новой или винтажной мебелью. Цены на местные квартиры взвинтил находящийся по соседству дорогой и модный Маре. Это и тринадцатый округ, где сегодня ведутся масштабные работы по модернизации целых кварталов и где теперь находится «новый Латинский квартал» Парижа – несколько университетских корпусов, общежития, исследовательские институты... Это и двадцатый округ, где есть тихие и уютные улицы и многие живут в собственных домах – в одном из них с семьей долго жила Моника Белуччи.

Левый берег, Правый берег: историческое и политическое противостояние

«Седьмой округ – центр мира», – сказал дизайнер Карл Лагерфельд, объясняя, почему он открывает свой первый концепт-стор именно здесь. Седьмой округ находится на Левом берегу, и воздух в этой части города, которая находится на юге Парижа, всегда был заряжен частицами инакомыслия.

Как я уже писала, именно здесь жил Д'Артаньян, здесь квартировались мушкетеры. Здесь, в Латинском квартале, началась когда-то майская революция 1968 года. Бывшие студенты, мечтавшие о коммунизме, сегодня превратились в пенсионеров-рантье, выгодно вложившихся в недвижимость десятки лет назад и

сейчас сдающих квартиры нынешним студентам, которые думают совсем о других, гораздо более «хлебонасуточных» вещах.

Здесь до сих пор селятся парижане, ищущие этот бунтарский дух, от которого остались одни воспоминания. Это часто преуспевающие артисты или художники. Даже самые обеспеченные люди, живущие на Левом берегу, редко носят дорогую одежду и спокойно садятся в автобус.

На Правом берегу – совсем другая картина. Помню первый вечер, когда мы переехали с Левого берега на Правый, на Трокадеро, и отправились с мужем праздновать новоселье в ресторан, находящийся в соседнем доме. Рядом с нами сидела семья с маленьким ребенком на руках, явно живущая неподалеку. Меня поразили две вещи: первое, что в 9 часов вечера ребенок «тусовался» с родителями – на Левом берегу такого себе не позволяют, там дети ложатся спать вовремя. И во-вторых, говорили они исключительно о деньгах – слово «евро» вылетало у них изо рта, как кукушка из настенных часов. Разговор был примерно таким:

– А ты помнишь, дорогая, сколько стоил отель в прошлые выходные? 90 евро! Они просто зайчики! Но за завтрак брали безумные деньги. 12 евро! Ну что за народ?

Теща с полным ртом, набитым кошерными суши, кивала головой и повторяла:

– Как можно! Как можно! У Пьера в его шато берут по 120 евро, но это же настоящий замок!

Правда, удивительно, насколько сильно отличаются люди, которые селятся, например, в шестом (Левый берег) и в шестнадцатом (Правый берег) округах. Для тех, кто может себе позволить жить и там, и там, выбор берега – настоящий жизненный манифест. Очень забавно, но живущий на Левом берегу парижанин действительно чаще читает «левую» газету «Le Monde», а живущий на Правом – «правую» «Le Figaro». Обе газеты – солидные, респектабельные, защищающие интересы обеспеченных людей. Эпоха революций прошла, и жители и того, и другого берега смотрят на политику исключительно с практической стороны, взвешивая, какие меры будет принимать новое правительство в отношении социальной политики, налогов или школьного образования.

Страх окружного бульвара: следуют ли русские примеру французов?

Любой парижанин, коренной или «понаехавший», панически боится переместиться за городской окружной бульвар – Boulevard Peripherique. За ним начинается дикая провинциальная жизнь, в которой нет места музеям и театрам. Пересечь бульвар и поселиться в пригороде – это стопроцентный дауншифтинг, за исключением, пожалуй, Нейи-сюр-Сен, самого престижного пригорода Парижа.

Идти на поводу у своих страхов непросто – Париж совсем маленький. Окружной бульвар всего около 35 километров (для сравнения, МКАД – 108,9 км). И живет в Париже, по данным INSEE, государственного института статистики и экономических исследований, всего около 2,2 миллиона человек (в Москве – примерно 12 миллионов). Людям приходится тесниться. Но главное – во многих «запарижских» местах есть удобный транспорт, и добраться до центра из пригородов Монруж или Монтрёй быстрее, чем из многих мест фешенебельного шестнадцатого округа.

Все равно – боится.

Многие русские, в особенности приехавшие из крупных городов, тоже любят «концентрироваться» в Париже. Я живу неподалеку от Трокадеро, и знакомых русских, которые обитают и поблизости, и в других округах, у меня очень много. Но когда появляются дети, желание, чтобы у каждого была своя комната, становится выше страха «спуститься» (именно так называют французы переезд из Парижа в другой город), и кто-то из моих друзей уезжает. Тем более что во Франции, имея работу, все-таки сравнительно легко купить квартиру – пусть не в Париже, но в предместье или в провинции.

Почему здесь невозможно «поймать» такси?

На сложности с такси жалуются все русские туристы, которые не понимают, почему нельзя просто поднять руку и «поймать» такси. Вот нельзя. Водители могут остановиться, если свободна машина (горит зеленая лампочка), но они не

имеют права останавливаться рядом со стоянкой. А по-хорошему, нужно пойти на стоянку такси и ждать там «у моря погоды», то есть пока одна из проезжающих машин возьмет вас к себе. Если поздно, дождь или, еще того хуже, забастовки, водитель будет вас долго и лениво расспрашивать, куда вы едете, прежде чем посадить в машину – или отправить вас ждать следующего таксиста.

Да, можно позвонить по телефону диспетчеру такси, но телефоны у транспортных компаний платные, и для того, чтобы заказать машину, нужно зарегистрироваться заранее, чтобы получить свой номер. Все удобства для туристов... Я проверила сайт одной из самых крупных французских компаний, *Taxi Bleus*, – он только на французском языке, ни слова по-английски. Как будто Париж вовсе и не самый посещаемый город мира...

Если вам попадется разговорчивый водитель такси, можете быть уверены – после пары ваших вопросов он начнет рассказывать, как тяжела его жизнь, как у него мало заказов и как в последнее время люди перестали ездить на такси и пользуются общественным транспортом. К тому же лицензия на такси, то есть возможность ставить на крышу своей машины особый светящийся знак «Taxi» и счетчик, стоит каких-то астрономических денег – 240 000 евро. Если таких денег у водителя нет, он арендует машину вместе с «лампочкой» у транспортной компании.

Участь его осложняется еще и тем, что в последнее время у таксистов появилось множество конкурентов. Например, мототакси, которые удобны для одного пассажира с небольшим багажом, потому что они дешевле и объезжают пробки. Или сервисы заказа машин с водителем (VTC, *voiture touristique avec chauffeur*), такие как «Le Cab», «Viacab» или «Voitures Jaunes». Эти сервисы чуть дороже, но они удобнее и приятнее. У многих из них есть приложения для смартфонов, с помощью которых их можно вызвать, например, пока вы в аэропорту проходите паспортный контроль или ждете багаж. К тому же там по-другому относятся к людям, как к клиентам, так и к работникам. В компании «Voitures Jaunes», например, водители «сидят на зарплате», в отличие от таксистов, которые зависят от ежедневного «урожая», в машине пассажиров ждет бутылка воды, а шофер открывает клиентам дверь.

А «Autolib», этот чудо-сервис поминутного проката электрических машин, созданный парижской мэрией? Он, конечно, тоже отбирает у таксистов часть клиентуры, в основном парижан. Все-таки, наверное, пришла пора переводить

сайты на английский.

Город, где своя машина – не удовольствие, а головная боль

Стою я как-то с дочкой на автобусной остановке, жду. И вдруг – Летиция Каста с коляской. Забрав детей из школы, она тоже садилась в автобус. Такси на этой стоянке можно ждать час, машину парковать – тоже час. Проще проехать несколько остановок на автобусе.

Парковка машины в Париже – это отдельный «вид спорта». Во-первых, парковаться можно только на официально отведенных для этого местах, расплачиваясь за них специальной картой. Припаркуетесь в другом месте – оштрафуют. Во-вторых, парковок становится все меньше и меньше – их постепенно отбирает город, то под транспорт, который разгружает товар перед магазином, то под велосипеды Velib, которые можно брать у мэрии напрокат и затем отдавать в другом месте, то под «Autolib».

Что такое «Autolib»? Это мечта любого жителя крупного города, городской сервис проката машин по часам, точнее по минутам, электрическая машина, не загрязняющая воздух. Работает это так: вы покупаете абонемент на месяц или на год, затем на сайте или через приложение к айфону резервируете машину на ближайшей стоянке и едете туда, куда вам нужно, в пределах Парижа. Доехали – оставляете ваш «автолиб» на другой стоянке, не забывая включить электрический провод машины в специальную стационарную тумбу. И вот уже машина свободна для другого водителя. Запустили сервис в октябре 2011 года, а в апреле 2013 года в Париже уже насчитывалось 30 000 абонентов.

Парижский характер, или Как отличить парижанина от «неместного»? И что такое «парижский снобизм»?

Большинство людей, не родившихся в Париже, тонкие оттенки парижского снобизма даже не замечают. Чем более человек воспитан, тем сложнее это заметить. Но снобизм всегда есть, в любом парижанине. Итак, по каким же

признакам можно безошибочно его определить?

Во-первых, присмотритесь к поведению человека. Настоящий парижанин всегда сдержан, в отличие от большинства прочих французов, особенно южан. Он не будет открыто проявлять свои чувства, говорить эмоционально, жестикулировать и хохотать. Просто какие-то нордические люди, честное слово. Это – часть тонкого этикета парижанина.

Во-вторых, обратите внимание на его внешний вид. Настоящий парижанин одновременно элегантен и небрежен. Это не значит, что он выглядит модно. Совсем наоборот – парижане никогда слишком прилежно тенденциям не следуют, носят что-нибудь не очень заметное и чуточку не новое. Вот, например, в прошлые годы в моде были желтый или зеленый, – но на людях эти цвета как-то не были видны. Парижанин никогда не выглядит слишком нарядным. Женщины не носят украшения. Наряжаются, красятся и делают укладку здесь в основном бабушки из хороших округов – а кому хочется напоминать парижскую бабушку? Только американским или японским подросткам. Парижане также предпочитают темные цвета в одежде и одеваются сравнительно легко. Когда они бегают в пиджаках, мои друзья, приехавшие из Москвы, натягивают на нос шапки, кутаются в меха и перья и говорят «ну и холодно тут у вас». Ничего тут не холодно. Это просто ветер с океана дует.

И – зонтик! Безошибочная примета, по которой парижанина можно выделить из толпы даже в Москве. В Париже всегда идет дождь. Не всегда, конечно, это я чересчур, но из-за близости океана погода тут переменчива, и дождь может начаться в любой момент. Но – внимание! – ни один настоящий парижанин не ходит с зонтиком. Если моросит обычный для Парижа мелкий дождик, парижанин предпочтет рысью домчаться до метро или до остановки такси. Если очень сильный ливень с утра, он, возможно, захватит с собой зонт, но, скорее всего, его не откроет. При этом практически все парижане носят пальто, а не куртки, и даже детей одевают в пальто, что ужасно неудобно, потому что пальто под дождем обычно теряют форму, их нужно отдавать в химчистку, а дети постоянно на себя что-нибудь выливают или влезают в лужи... И кто еще говорит о практичности французов?

В-третьих, обратите внимание на его динамизм. Парижанин, как правило, деловит, подтянут и чем-нибудь озабочен. Расслабленное, счастливое состояние можно заметить только у туристов, об этом «парижском синдроме» я уже писала. Ну и я иногда тоже в него впадаю, когда еду куда-нибудь, а за окном

вдруг покажется Эйфелева башня или музей Орсе, да еще и солнце светит. Тогда все дела резко вылетают из головы, «туду листы» забываются в глубинах смартфона, и хочется только сидеть где-нибудь на террасе и пить Perrier menthe – «Перье» с мятным сиропом. Именно его, и только его, а вовсе не красное вино или кофе, который тут в кафе чаще всего гадкий, но нужно пить, чтобы стать настоящим парижанином. Правда.

В четвертых, почувствуйте его эмоциональное состояние. Настоящий, коренной парижанин всегда чуточку тосклив. Как только человек, живущий в Париже, возвращается с каникул, даже если он отдыхал два летних месяца (такое бывает), он вспоминает о состоянии своего счета, и у него сразу резко портится настроение. У парижан еще много других причин тосковать, я расскажу об этом отдельно. Так что если вы увидите человека, гуляющего с собакой, при этом в глазах у обоих грусть, это парижанин. Впрочем, он и без грусти – точно парижанин. Откуда у туриста собака на поводке? Даже если собака у туриста есть, он держит ее в охапке.

В-пятых, оцените его вежливость. Настоящий парижанин почтительно, но формально вежлив и одновременно чуточку груб. Его изысканные манеры, его бесконечные «спасибо», «пожалуйста» и «здравствуйте» контрастируют с его привычкой не подходить к телефону, получая вместо этого ваши сообщения на автоответчик, даже если он не на работе, а потом решать, перезванивать вам или нет, с его неулыбчивостью, отчужденностью, заикленностью на своих собственных бесконечных пустячных делах... А еще парижанин виртуозно ведет себя на узком парижском тротуаре, на котором едва разойдутся двое. Вся хитрость в том, чтобы, не уступая дорогу идущему навстречу, умудриться в него не врезаться.

Ну и, наконец, обменяйтесь с ним парой шуток. Вы увидите, что настоящий парижанин одновременно серьезен и несерьезен. Ему присуще качество, которое называется *autoderision*. Его даже словарь в моем макбуке не хочет распознавать, хотя написала я его правильно – настолько оно парижское. Это умение смеяться над самим собой. Нет, даже еще интереснее, – это умение дать другим возможность посмеяться над собой. Другими словами, парижанин подтрунивает не только над другими, но и над собой, не теряя при этом чувства собственного достоинства. Эта приятная черта на удивление роднит парижан с нами и делает их ужасно милыми.

Глава 2

Менталитет

Что значит «свобода, равенство и братство»?

Это один из революционных лозунгов, ставший девизом французского государства: *liberte, egalite, fraternite*. Предполагается, что все французы эти ценности разделяют.

По поводу свободы понятно. Каждый человек, который находится во Франции, свободен делать все, что ему заблагорассудится, если он не нарушает закон.

С равенством тоже ясно – это одна из основных демократических ценностей, предполагающая, что каждый человек вправе пользоваться свободами и что нет людей выше и ниже других. Разумеется, во Франции, как и во всех странах, существует социальное неравенство. Но если сравнить, например, с Америкой, можно заметить, что во Франции социальное неравенство имеет другой оттенок. В Америке это прежде всего материальные различия между бедными и богатыми: достаточно посмотреть, сколько стоят хорошие частные школы в Нью-Йорке, чтобы понять, когда и где начинаются эти различия.

Во Франции же это этническое неравенство, и оно очень сильное. Людям с другим цветом кожи или арабского происхождения трудно попасть в хороший вуз и сделать карьеру. Это вопрос не только *quartiers sensibles*, «уязвимых кварталов» – так называют кварталы, в которых живет бедное, «цветное» и арабское население – и того, что люди оттуда вырастают другими, чем рожденные в благополучных местах. Здесь просто по-другому относятся к таким людям. В Америке есть ведущие телевидения, руководители компаний, депутаты, *issus de diversite* – то есть вышедшие из «других» слоев населения. Во Франции люди с этническими различиями, сделавшие удачную карьеру, пока редкость – уж очень большая здесь разница между кварталами.

Но именно третья составляющая лозунга, «братство», придает лозунгу особый, французский, левый смысл. Каждый француз друг другу немного брат. Люди

здесь обязаны друг другу помогать. Платная медицинская страховка называется *mutuelle* (сокращение от слова «взаимопомощь»). Хорошо зарабатывающие или имеющие высокие доходы люди платят больше налогов – чем больше доход или количество денег, тем выше налоговая ставка. Это тоже своего рода «братство».

Здесь мы можем упомянуть и о другой фундаментальной для французского государства ценности – об атеизме (чаще говорят *laïcité*, что переводится как «светскость»). Но важно понимать разницу между государственными принципами и личными взглядами. Многие французы исповедуют ту или иную религию: в стране есть католики, иудеи, мусульмане. Одни ходят на мессу, другие соблюдают шабат. Но вероисповедание – это, как правило, очень интимная, личная вещь, которую редко обсуждают не со «своими». Вы не услышите религиозных споров просто потому, что здесь на эту тему не принято говорить: очевидно, что вера иррациональна, и за отсутствием логических аргументов религиозный спор заранее обречен на конфликт.

Во Франции не любят, когда человек открыто демонстрирует принадлежность какой-то религии. Более того, закон, принятый в 2004 году, запрещает ученикам государственных школ и лицеев носить те или иные атрибуты, указывающие на религиозную принадлежность, – в их числе мусульманский платок, кипа, тюрбан сикха, бандана или слишком крупные кресты. Исключается также открытая демонстрация (жесты, поклоны) приверженности к той или иной религии. Те же школьники, которые отказываются следовать этим нормам, могут быть исключены из учебного заведения.

В этом законе знаменитая французская двойственность предстает перед нами во всей своей красе. А как же демократические свободы? Как же равенство? Человек же вроде бы свободен исповедовать любую религию. Ничего плохого, нося платок, он не делает. Почему из-за головного убора человека могут лишить возможности получать знания и занимать в будущем определенное положение в обществе? Один лицеист, исключенный из школы за то, что отказался снять тюрбан, обратился в Комитет по правам человека при ООН, который постановил, что исключение молодого человека из школы противоречит международному пакту о гражданских и политических правах. Но закон, вызвавший бурю недовольства, не отменили.

Лозунг, принципы, к которым примыкают все граждане, – это очень важно для благополучия страны. Как конституция в Америке, «свобода, равенство и братство» во Франции составляет некий фундамент, на котором выстраивается

отношение к жизни и к окружающим. Это весьма глубокие вещи. Людям это очень нужно, это их самоидентификация, их гордость, их уважение к себе. В России сейчас нет таких стойких принципов, соответствующих требованиям элементарной морали и уважения к человеку, и людям тяжело. Многие примыкают к религиозным идеям, потому что они моральны, но в них есть существенный минус – религия не предполагает равенства людей. Когда такая простая, позитивная и красивая идея появится – кое-кто ее уже высказал – люди к ней примкнут быстрее, чем мы думаем. Они будут чувствовать себя гордыми за то, что родились и живут в России, – а это самое важное для благополучия нации. Русским людям сейчас это необходимо гораздо больше, чем французам.

Хороший вкус по-французски

В России, одеваясь или обставляя квартиру, люди «ловят» тенденции, пытаются быть впереди всех. Они листают журналы, смотрят по сторонам и копируют то, как выглядят или «обставляют» другие. Все, у кого есть хоть какие-то деньги, нанимают дизайнеров, чтобы те советовали, как расставлять мебель в квартире и делать в ней свет.

Во Франции никто даже не думает о том, что модно или кто что носит и ставит себе в дом. Здесь все полагаются на себя. Мало кто прибегает к услугам стилиста или декоратора квартиры, разве что очень обеспеченные люди. Но по большей части любой образованный и начитанный француз сам себе декоратор и стилист. Посудите сами: в какой еще стране хозяин сезонного жилья, сдавая его, будет писать «одна комната оформлена в густавианском стиле, другая – в стиле Людовика XV»? Вы много знаете хозяев приморских дач, которые понимают разницу между этими двумя стилями? Вы вот сами ее понимаете?

Знание, самообразование – это и есть хороший вкус по-французски. Человек, который прочитал хотя бы пару книг по истории дизайна, с детства посещал красивые места и дома и который хотя бы немного разбирается в истории искусства – а живя во Франции, трудно совсем ничего об этом не знать, – никогда не оформит квартиру безвкусно. Интерес к окружающему миру, к своей собственной истории, в том числе к истории своей семьи, трепетное отношение к вещам родителей, бабушек и дедушек – вот хороший вкус француза, формирующий его индивидуальность.

Но хороший вкус по-французски – это также отказ от риска. Француз руководствуется одним правилом: ничего лишнего. Мало цветов, мало украшений. В одежде при выборе между красным платьем и черным предпочтение отдается черному. Цветная обувь даже в сезон моды на нее встречается редко. Несколько цветов стараются не сочетать. Все, что бросается в глаза – блестящее, золотое, серебряное, с крупными принтами, белое, слишком элегантное, – тоже. Выглядеть «нарядно» в Париже не принято.

А вот это уже менее интересно. Ведь как приятно иногда надевать или приносить в дом какую-нибудь ужасную чушь? Покупать какую-нибудь бархатную малиновую подушку, золотые брюки или туфли на грандиозных каблуках, которые никогда не будут надеты? Французы многие вещи себе просто запрещают. Их внутренний контроль автоматически включает красную кнопку. У них слишком четкие представления о том, что «красиво», а что – нет. Поэтому так мало дизайнеров-французов занимают места ведущих артдиректоров в модных домах, а не только потому, как объясняют сами французы, что в родных институтах плохо учат коммерческим реалиям моды. Умение рисковать очень важно для этого бизнеса.

Красивая жизнь

Хороший вкус по-французски распространяется не только на внешний вид человека или квартиры, но и на способ жить. *Belle vie*, красивая жизнь... Слово «красивый» и его производные встречаются во французской речи, пожалуй, даже чаще, чем слово *cher* («дорого») – это тоже одно из любимых французских словечек.

Красивый или красивая, «beau» или «belle», – это не только приятный взгляду. Так говорят про теплую, солнечную погоду, про вкусную еду, про сочный и большой фрукт, про хорошо написанную книгу или удачный фильм... Все лучшее, что дает людям жизнь, воплощается во французском языке в понятиях красоты. Французы – эстеты, и форма для них часто важнее, чем содержание («на лицо ужасного, доброго внутри» не воспринимают вообще никак, а наоборот – пожалуйста).

Вот и жизненный идеал каждого уважающего себя француза – это прежде всего красиво и размеренно жить. Создать что-то новое, стать успешным, «бороться и искать» – это уже вторично.

Лучшие люди в России делают что? Либо стремятся стать успешными и заработать много денег, либо усердно критикуют окружающую действительность. Некоторые умудряются делать и то и другое, а самые лучшие, помимо этих двух занятий, пытаются еще и что-то изменить. Работают, как лошади, и все, что вокруг них, уже менее важно, чем цель – если они, конечно, не дизайнеры, фотографы и представители других «красивых» профессий. Таким образом, русский либо что-то делает и движется вперед, либо ничего не делает, но подводит под это целую стройную теорию о том, почему именно он ничего не делает. В том или ином случае глагол «делать» (или «не делать») определяет наш способ существования.

Во Франции люди, скорее, стремятся «быть». Именно поэтому антураж – форма, а не содержание – так важен для француза. Красиво жить – значит не только жить среди красивой мебели, в красивом доме и красивом городе. Это значит жить в соответствии с неким общепринятым стандартом красоты. Красиво жить – это также много общаться, организовывать обеды и ужины – французы очень гостеприимны – и стараться по максимуму получать удовольствие от жизни.

Французская красота – это прежде всего гармония, внешняя и внутренняя. Посмотрите, например, на парк во французском стиле, который еще называют регулярным. Этот стиль, хоть и не зародился во Франции, наивысшего пика развития достиг именно здесь. В таких парках прямые, широкие и ровные дорожки, идеально стриженные кусты, часто геометрической формы, круглые бассейны с фонтанами и узоры из цветов. Один из самых известных – сад Версаля, построенный под руководством ландшафтного архитектора Андре Ленотра. Очень красив также парк замка Во-ле-Виконт.

Такое восприятие красоты как чего-то очень чистого, ровного, безупречного в той или иной степени свойственно всем французам. Они стремятся к гармонии. Бардак в квартире – это уже не гармония. Плохо стриженные кусты или неаккуратные розы перед домом – тоже. Неровная старая крыша – тоже. Ворох бумажек вместо альбомов по архитектуре на кофейном столике – тоже. Для французов беспорядок – это также признак бедности, неустроенности в жизни. Они считают, что хаос в жизни и в доме создает хаос в голове, и только человек, которого окружает порядок, может правильно существовать и двигаться вперед.

Поэтому у французов всегда все очень аккуратно дома, а женщины, вне зависимости от их социального положения и количества денег, постоянно держат контроль над домом и не выпускают из внимания ни одной детали: либо они что-то убирают и убираются, либо в доме круглосуточно «дежурит» домработница.

Французская двойственность. Внутренний конфликт

Практически любой француз, который что-то вам говорит, в тот же самый момент думает что-то совершенно противоположное. Или не обязательно противоположное, но что-то другое. Или сначала он скажет вам одно, но потом обязательно приведет другую точку зрения.

Ход рассуждений может быть таким: это, может быть, хорошо, но немножечко все-таки плохо. Да, красивый дом, конечно, но все-таки вот тут что-то отваливается, и вообще в бывших фермах жить неудобно. Каникулы хорошо прошли, но: народу на пляже много, солнце светило слишком сильно, везде одни русские девицы 20 лет в обнимку с мужчинами намного старше их, фу-фу («как они так могут?» – удивляются мои французские подруги), и платьев не хватило до конца недели. Французов просто раздражает какой-то внутренний конфликт, какая-то необходимость бесконечных противопоставлений. В этих противопоставлениях – вся сущность француза, он без них просто жить не может.

Приведу пример. Я сейчас занимаюсь одним интернет-проектом и периодически ищу ответы на разные вопросы, которые меня интересуют, в том числе, разумеется, и о том, как, собственно, сайты создавать. В какой-то момент я «залезла» на форум, на котором собираются французские основатели стартапов. Там все хором причитали по поводу того, что без программиста стартаперу сайт не сделать. Еще бы, вот удивительно. «Как же быть? Хорошего программиста днем с огнем не сыщешь! Непонятно, что делать!» – таким был основной посыл обсуждений. Авторы сообщений ужасались, переживали и пространно писали о том, как сложно реализовать идею сайта. «Надо искать программиста и вводить его в капитал», – предлагал кто-то. «Но они же такие, кхм, специфические!» – писал другой. Дальше подробно обсуждались различия «маркетингово-коммерческих» и «технических» типов мышления. В таком духе было страниц

двадцать, а выводы были примерно следующими: да, без программиста сайт сделать очень, очень сложно.

Я решила поискать информацию на ту же тему (где брать программиста для стартапа?) на английском и наткнулась на подобный форум, только американский. «А че, – пишет основатель сайта с оборотом в пару миллионов долларов – я долго работал с девелоперами-фрилансерами, у меня вечно были какие-то баги, сайт плохо работал и т. д. Думаю, потому, что никто не понимал, чего я точно хочу, да я сам не мог это объяснить. Получалось какое-то «поди туда, не знаю куда, объясни то, не знаю что». В какой-то момент мне это надоело, я сел, выучил язык и сделал сайт. Теперь, когда в моей компании работает 10 человек, я, конечно, не занимаюсь всем сам, но по крайней мере знаю, чего хочу. Никакого образования в этой области у меня нет».

От простоты подобного решения французские участники форума, наверное, пришли бы в тихий ужас. У них бы просто волосы на голове повставали. «Только и всего?» – подумали бы они, но вслух бы сказали, что это невозможно, что каждый должен заниматься своим делом, один – продавать, другой – программировать, и еще что-нибудь подобное. Вот она, разница американского и французского подхода к жизни. Французы много обсуждают, долго взвешивают все «за» и «против», бесконечно сравнивают. И иногда в разговорах слишком много инициатив уходит в песок, просто потому, что люди начинают сомневаться. А французы, да – большие любители сомневаться и рефлексировать. Американцы же особо не взвешивают, у них менталитет совсем другой. Там просто не принято говорить «я боюсь, что», или «может быть». Либо да, либо нет. А лучше вообще ничего не говорить, а сразу делать. Мы в этом смысле гораздо ближе к американцам, и я не раз замечала, что долгие разговоры и обсуждения французов русских раздражают.

Такой подход мешает французам во всем, что касается прогресса, инноваций, открытости, глобальности, интернациональности и т. д. С одной стороны, они очень хотят быть технологически значимыми: с этой целью президент Франсуа Олланд создал пост министра по малому и среднему бизнесу, инновациям и цифровой экономике, на который назначил красавицу-азиатку Флер Пеллерен. Ее называют «ministre geek», «министр-гик», от английского «geek» – увлеченный компьютерными технологиями. Во втором округе Парижа, в районе Сантье, известном тем, что здесь находятся офисы модных компаний и даже их ателье, работают инкубаторы и площадки для стартапов, и теперь это «Силиконовый Сантье». Но во Франции своя специфика – все большие

инициативы всегда поддерживает государство. А все, что оно поддерживает, работает просто потому, что туда вбухивают тонну бюджетных денег – это раз. А два – потому, что оно помогает преодолеть административное занудство в виде каких-то невероятных формальностей, которые само государство и принимает и которые во Франции возникают, как только кто-то собрался открыть что-то свое (теперь представьте себе, когда это «свое» открывает Microsoft).

Но, с другой стороны, французы очень консервативны. Когда во Франции выдвинули законопроект, разрешающий университетам преподавание на английском языке, чтобы молодые люди, в особенности из развивающихся стран, в частности, из России, охотнее приезжали в страну учиться, тут такое поднялось! Французская академия воспротивилась законопроекту. Некоторые социалистические депутаты – тоже. Боялись, что английский язык «задвинет» французский. Французы и хотят, и боятся – вот эта особенность очень им свойственна.

Общественный транспорт, которым пользуются и богатые, и бедные: RER, электропоезда, TGV

Франция – страна европейская и социалистическая. Поэтому тут все почти равны и все пользуются общественным транспортом.

Ездить на поездах, автобусах, метро, передвигаться в тесном пространстве с чужими людьми, а не сидеть одному в своей машине – это, действительно, очень европейская, «старосветская» история. Конечно, в основном потому, что тут места меньше, расстояния короче и транспортная система устроена просто гениально. Во Франции не принят автомобильный снобизм, свойственный людям из большой страны, русским или американцам. Чтобы «быть человеком», машину иметь не обязательно, можно спокойно ходить пешком. Машина, в особенности в Париже, воспринимается только как необходимость, и если она не нужна, от нее избавляются. Это также значит, что любой человек хотя бы время от времени пользуется общественным транспортом.

Возьмем, к примеру, поезд дальнего следования. Ехать отдыхать из Парижа на горнолыжный курорт или на море на Лазурный Берег на нем чаще всего удобнее, чем на машине: поезда приезжают быстрее. Почему? Во-первых,

пробки. Во Франции все как обедают в одно время, так и на каникулы уезжают в один день – а именно в субботу после окончания школьного года или в первую субботу августа – и возвращаются в конце июля или в конце августа, тоже всей страной. Эти субботы даже называются «черная суббота» из-за безумных пробок на дорогах. «Я решила, что буду выезжать не в 9 часов, а после обеда, так мы доедем быстрее, пробок меньше, и я еще успею постирать и развесить белье!» – радостно рассказывает кто-то в интервью. В воскресенье поехать, наверное, – это уже напрочь изменить традиции...

Во-вторых, многие города страны связывает высокоскоростной поезд TGV, train de grande vitesse. За час из Парижа можно доехать до Лилля, за два – до Лиона, за три – до Бордо, Марселя или Авиньона. На машине получается и дольше, и часто дороже. В поездах есть первый и второй класс, и на места и в том, и в другом часто предлагают различные скидки.

Или парижские электромобили «Autolib», государственный сервис поминутного проката автомобилей. Как он работает, я уже писала. Мой муж, ученый и большой любитель всего нового, экологичного и высокотехнологичного, теперь отвозит дочку в школу только на них. Наши друзья посмотрели на это, продали машину и теперь делают так же.

А парижское метро? Оно удобное, потому что расстояния между станциями здесь небольшие. Один недостаток – места там маловато. Вагоны тесные, перроны узкие. Лестницы или эскалаторы на пересадку часто находятся прямо на перроне – и тогда на остающемся пространстве для прохода с трудом могут разойтись два человека. В час пик там лучше не появляться. Впрочем, такой сумасшедшей толпы, как в метро в Москве, здесь все равно не бывает. Двери старых вагонов открываются с помощью смешной ручки-рычага, которую нужно резко поднимать вверх. В новых поездах двери открываются сами. Здесь также есть линии, по которым поезд ходит без машиниста. В вагоне потолки низкие, сиденья находятся друг напротив друга так близко, что люди соприкасаются коленками. Но многие французы, вполне обеспеченные, направляясь на работу или возвращаясь домой, предпочитают передвигаться на метро, а не на машине, которой у них просто нет.

Помимо метро, в Париже есть сеть пригородных экспрессов RER (reseau express regional Ile-de-France), которые проходят и сквозь Париж. Эта система экспрессов использует старые железнодорожные пути и проложенные новые, в Париже для нее так же были прорыты станции на очень большой глубине. RER состоит из 5

линий с ответвлениями (самая запутанная – С) и делится на 5 зон, пронумерованных в зависимости от того, насколько далеко они находятся от центра города. Часть станций соединены с парижским метрополитеном, они обслуживают основные вокзалы Парижа (Лионский, Северный, Сен-Лазар). RER также ходит в аэропорты Шарль де Голль и Орли.

Забастовки и демонстрации

Собрания людей, на которых громко высказываются те или иные идеи, во Франции проходят постоянно. Это действительно самый простой и действенный способ сообщить о своем мнении и привлечь внимание окружающих людей и прессы.

Забастовки и демонстрации называются «manifestations». Их устраивают по любому поводу, по которому можно быть недовольным. Например, в какой-то момент одни люди были возмущены тем, что правительство собирается разрешить гомосексуалистам жениться и усыновлять детей; другие – тем, что оно до сих пор этого не разрешило. И те и другие выходили на организованные демонстрации. Так, 24 марта 2013 года на демонстрацию против гомосексуальных браков, которую организаторы скромно называли «Manif pour tous» («Демонстрация для всех»), по сведениям полиции, собралось более 300 тысяч участников. Организаторы, правда, утверждают, что собралось 1,4 миллиона. Лидер этого движения, французский журналист и юморист Virginie Merle, называла себя Фрижид Баржо, «перекроив» имя знаменитой актрисы, и наряжалась в страшнейший китч – розовые мини-юбки и майки с надписями в духе ранней Бритни Спирс.

Демонстрации, как правило, проводятся в Париже или других крупных городах. Участники проходят по заранее согласованному маршруту – центральные площади, широкие бульвары, известные достопримечательности – и должны уложиться в четкие временные рамки.

Демонстранты почти всегда ведут себя мирно, идут с плакатами, улыбаются. Но бывают и более агрессивные демонстрации, где взрывают петарды, громко скандируют что-то нечленораздельное, иногда дело доходит до стычек с полицией. Полиция во Франции никогда не провоцирует участников и не

становится на чью-то сторону. Ее представители находятся на таких мероприятиях для того, чтобы предотвратить агрессию.

Поскольку демонстрации бывают в Париже очень часто и проходят они рядом со знаменитыми местами вроде Триумфальной арки или Трокадеро, готовьтесь к неожиданностям в выходные дни. Например, решили вы поехать на автобусе посмотреть на Эйфелеву башню. Зашли, пробили билетик и сидите, любуетесь пейзажем. И вдруг замечаете что-то странное: автобус перестал останавливаться. Уже минут 10 едет, а остановок нет – хотя обычно они через каждые 3–5 минут. Вы сверяетесь с обычным маршрутом, который висит над сиденьями, смотрите на остановки, которые проезжаете, и понимаете, что сели не в тот автобус. То есть нет – сели вы в тот автобус, номер вроде тот же, а вот едет он не туда. Кого спрашивать, куда бежать? Двери закрыты. Вы начинаете задавать вопросы бабушке рядом, она доходчиво вам все объясняет, но на французском. Вы – к водителю. Он тоже объясняет по-французски, повторяя слово «manifestation». Вы ничего не понимаете. Так вот, знайте, что вы объезжаете демонстрацию и что через три минуты вас высадят на другом берегу, потому что все дороги заблокированы людьми и автобусы не ходят. Прогуляетесь до башни пешком!

По телевидению демонстрации обычно выглядят устрашающе: разъяренная толпа бежит, кричит, на испуганных граждан с голубого экрана сыпется брань, мелькают агрессивные надписи, какие-то темные личности закрывают камеру прокуренными пальцами... В жизни все гораздо спокойнее. Полицейские приезжают часа за два, перегораживают движение и усаживаются в мини-автобусы, иногда выходят оттуда и следят за происходящим. Я живу на тихой улице по соседству с Трокадеро, где находится смотровая площадка с видом на Эйфелеву башню и где демонстрации проходят очень часто. Обычно все случается по воскресеньям, когда большая часть парижан тихо себе валяются на диванах с планшетами и книжками, идут в музей или собирают друзей на воскресный бранч. Слышно только очень громкую музыку и голоса, и периодически под окнами проходят отдельные участники, что-то шумно обсуждая.

Некоторые manifestations, правда, очень редко – обычно там больше шума, чем реальной угрозы, хотя все равно как-то не по себе становится, когда участники начинают непрерывно взрывать петарды и громко скандировать – перерастают в массовые беспорядки. Из недавнего, когда весной 2013 года футбольному клубу

Парижа, в котором играет Дэвид Бэкхем, вручали трофей чемпионата Франции, некоторые болельщики просто с ума сошли. Они не только залезли на одну из вышек рядом с подиумом, на который должен был выйти Бэкхем и его коллеги, отчего футболисты просто отменили свой выход. Они побили витрины в ближайших магазинах, разгромили один несчастный бар, который не успел закрыться, и оставили на мостовой столько осколков от бутылок, сколько не снилось самому матерому алкоголику. Квартал словно вымер: в 6 вечера все магазины и кафе были плотно закрыты, а жильцы либо решили пока не возвращаться с работы, либо забаррикадировались у себя дома. Полиции, замечу, было очень много, но она практически никого не арестовала. «Где была полиция, где?» – жаловались хозяева *petites commerces*, «маленьких торговых точек», которым разгромили витрины. Я этого тоже не знаю.

С демонстрациями я сталкиваюсь еще и тогда, когда куда-нибудь еду, и вдруг оказывается, что туда доехать не получится, как в случае с Эйфелевой башней, который я описала. Поскольку чаще всего демонстрации проходят в выходные, то обычно в этот момент я везу на день рождения дочку или просто еду куда-нибудь с семьей. Автобус уезжает в другую сторону, станции метро в том месте, где проходят демонстрации, закрывают, дороги перегораживают, и на машине не проедешь даже рядом, и т. д. Значительное расстояние в этот момент приходится преодолевать пешком. Моя восьмилетняя дочка Марина уже привыкла к этому и спокойно реагирует, когда оказывается, что из-за митинга против однополых браков или из-за гей-парада она опоздает на день рождения и пройдет пешком несколько километров.

Подобный опыт у меня был как раз с гей-парадом. Во Франции его называют «марш гордости», *Marche des Fiertés*, – калька-перевод с английского *gay pride*. Гей-парад проходит в мае или в июне каждый год и практически во всех крупных городах страны.

В тот день я провожала дочку на день рождения и уже по дороге выяснила, что в Париже идет гей-парад и половина улиц перегорожена. Мало того, парад как раз должен был пройти по бульвару Монпарнас, куда я, собственно, должна была ее отвезти. Я сидела в «автолибе» в пробке, образованной из машин, водителям которых полицейский показывал, что надо сворачивать с перекрытого бульвара Распай, и размышляла, как туда добраться. Машину нужно было сдавать на ближайшей стоянке, это понятно. Спасибо «автолибу», что можно хотя бы где-то его оставить. Единственный вариант – идти пешком. В принципе, не очень далеко.

И вот мы вышли из машины недалеко от Собора Инвалидов и отправились наперерез параду. Это сейчас я думаю, что, наверное, более правильным было вообще на день рождения не идти. Но вежливость мешает мне отказываться от приглашений в последний момент, и Марина бы расстроилась. Поэтому мы отважно ринулись внутрь парада. Мимо нас протанцовывали люди в ночных рубашках, с радужными панками на головах, на безумных платформах, в свадебных платьях, костюмах римских легионеров. Дочку, которой было тогда 6 лет, разумеется, все страшно забавляло, особенно оглушительное техно, разносившееся из проезжающих мимо автобусов и передвижных платформ, на которых было написано «Парижский транспорт» или «Французское правительство». Меня же все злило: ничего против гомосексуалистов я не имею, но нужно было быстро бежать пешком, вокруг разносился стойкий запах марихуаны, и мы регулярно врезались то в накачанных силиконом трансвеститов, то в целующихся мужчин. Ну как тут что-то объяснить шестилетнему ребенку, и надо ли? На день рождения мы все-таки попали.

Недоверчивость

Есть такое французское понятие – *méfiance*. Это значит, не стоит доверять всем подряд и не нужно быть наивным: вдруг какой-нибудь чужак расскажет чего, ты поверишь, а окажется – обманул?

Нужно понимать, насколько глубоко сидит во французе эта черта. Что бы вы ни пытались доказывать незнакомым французам и какие бы аргументы вы ни приводили, заранее знайте, что в 98 % случаев вам верить не будут, как бы вы ни улыбались (тем более, улыбается – еще более подозрительно!).

Из этого вытекает другая история – многие французы слишком добрых и готовых помочь людей, особенно незнакомых, воспринимают скорее отрицательно, возможно, потому, что где-то в генах сидит боязнь того, что эта доброта окажется не вполне искренней. Во французском языке даже нет слова «добрый», такого как *kind* в английском. Есть слово *gentil*, но оно имеет другой оттенок – это не просто кто-то добрый, но еще и кто-то, кого можно использовать и на на ком можно «поездить». С одной стороны, нужно быть *gentil*, потому что это вежливо. С другой стороны, слишком уж им быть нельзя, получается глуповато. Если ты всем помогаешь и забываешь о себе, ты, считают

французы, полный «лох». Мама часто переживают, что их дочери слишком gentilles, потому как этой добротой обязательно кто-нибудь должен воспользоваться для каких-нибудь нехороших целей. И некоторая «сердитость», особенно женская, во Франции только приветствуется.

Приведу такой пример. Когда я училась на факультете менеджмента в парижском Институте моды IFM, мне нужно было составить портфолио из различных кусочков ткани и подписать их. Я потратила уйму времени на сбор этих лоскутков – мне нужны были шелк, кружево, хлопок нескольких видов и какие-то мудреные вещи вроде «рытого бархата». Спасибо жене моего дяди, которая работает в ателье высокой моды и которая поделилась со мной кусочками из своих «запасов».

И вот на следующий год я прихожу по делам в институт и слышу разговор двух студенток. Они обсуждают, где брать ткани для «портфолио». «Ума не приложу, – жалуется одна. Вот у Жеральдин мама работает в марке D... которая на авеню Монтень, она ей столько кружева, тюля и бархата принесла! А моя мама – архитектор. Ну что она может мне принести с работы, ты мне скажи? Кирпич со стройки, что ли?» «А ты сходи в Сантье (район Парижа, в котором располагаются модные ателье), там в помойках чего только нет!» – советует ей «добрая» подруга.

Я представила, как эта девушка вместе со своей сумкой за две с половиной тысячи евро роется в помойке, пусть и в «высокомодной», и мне стало ее жалко. «Хотите, отдам вам свое портфолио? Я училась здесь в прошлом году, у меня все сохранилось», – говорю я. Услышав эти слова от незнакомого человека, они смешались и посмотрели на меня, как на сумасшедшую. Для них было недопустимо, что незнакомый человек предлагает им помощь. «Да нет, спасибо, сама как-нибудь», – подозрительно оглядев меня с ног до головы, сказала она. Наверное, решила, что я договорилась с каким-нибудь преподавателем и это подвох. Она меня не знала, понимаете? И не верила поэтому.

Вот другой пример, тоже про готовность помочь. В Париже в последнее время участились случаи нападений каких-то странных румынских подростков на людей, снимающих деньги из банкомата. Происходит все в туристических местах и следующим образом. Вы решили обналичить, допустим, 30 евро. Встаете к банкомату, который находится на улице, набираете код. Потом банк вам задает вопрос, сколько вы хотите, и вы выбираете нужную цифру. Так вот в тот момент, когда вы набрали код, вам сзади кто-то стучит по спине и зовет. Вы

оборачиваетесь. Или не оборачиваетесь, как сделала я, потому что понимаете, в этот момент другой соучастник закроет клавиатуру газетой, наберет 300 евро, вытащит их и смоется с ними – с вашими деньгами. Я знала об этом и не обернулась, а загородила банкомат спиной. Но спина, к сожалению, не очень широкая, и другая девчонка, которая по сценарию должна вытаскивать деньги, – обеим не больше 15 – встала рядом и стала меня отпихивать, чтобы к клавиатуре пролезть. Сильно так пихается, а мне всего лишь нужно нажать на «отменить», чтобы карточку забрать. По идее, после неудачной попытки они должны убежать. Но они стояли рядом и толкались! А поблизости куча людей – и на остановке, и за деньгами в банкомат – за мной вполне себе атлетический парень с велосипедом, из соседнего банкомата девушка вынимает деньги. Все происходило в приличном и буржуазном пятом округе. Я стала звать на помощь, потому что девица пихалась очень больно. Все, кто стоял рядом, повернулись ко мне, но никто – ни мужчины, ни женщины – даже глазом не моргнул! Все ждали, что будет происходить дальше. В конце концов мне удалось «отменить», я вытащила карточку, и девицы унеслись. Когда они убежали, стоявшая рядом девушка подошла ко мне. «Понимаете, я боялась вам помочь, – почему-то решила она мне что-то объяснить. – Мне нужно прежде всего думать о себе, а потом уже помогать другим. А вдруг у нее нож?» М-да... почему-то она этим ножом не воспользовалась раньше, охотясь за деньгами. В полиции пятого округа сказали следующее: «Мы их поймать не можем, – говорят, – даже жалобу не стоит писать. Мы приедем, а они убегут. Они все время так убегают».

Ну это мой опыт, может быть, у кого-то есть совсем другой?

Жалобы на жизнь, или Тоска зеленая

В России многие любят расстраиваться из-за погоды (слишком жарко, слишком холодно, слишком пасмурно или слишком ветрено). Русский имеет на это все основания – приятная погода в России бывает нечасто, всегда чего-то «слишком».

Типичный же француз, особенно парижанин, переживает из-за всего подряд. И в основном из-за какой-нибудь ерунды. Например, из-за того, что у детей каникулы, а он сидит с ними «в этом Париже», в котором, между прочим, всю жизнь мечтал жить. Или, наоборот, из-за того, что в Париже так хорошо, а он

уезжает «в эту Москву» («в этот Шанхай, а там багетов человеческих даже не найдешь», «в эти горы на лыжах кататься, там снег и холодно, а тут уже весна, цветы, солнце светит, и как хорошо в Булонском лесу, можно уже шорты надевать», и т. д.). Переживают из-за денег – всем их не хватает, даже если есть и отличная работа, и две зарплаты, и огромная квартира. Переживают из-за будущего – в газетах только и пишут про то, что работы нет, денег у социального страхования нет, экономического роста во Франции нет, и будущего тоже нет (в русской прессе, даже самой серьезной, всегда присутствует юмор, в большинстве французских газет он отсутствует напрочь). При том что пока французы защищены в социальном плане гораздо лучше, чем русские граждане.

Французы, у которых больше свободного времени просто потому, что в жизни все гораздо лучше устроено – пробок меньше, расстояния короче, рабочий день короче и т. д. – страшно любят потратить это свободное время на какое-нибудь нитье. К сожалению, данный синдром очень заразителен. Вот, например, русские – веселые люди, правда ведь? Они, когда приезжают во Францию, первое время очень всему рады. Как красиво! Они радостно преодолевают все препятствия и в считанные моменты добиваются всего, чего хотели. Заводят французских друзей, которые жалуются им, как все плохо. И тут начинается. Русские принимают нитье. Проблема в том, что если ноют русские, то градус нитья у них совсем другой. Француз может понять и спокойно продолжить свои дела. Для него это нитье – просто привычка, он к ней даже серьезно не относится. И по-серьезному он не переживает. А русские начинают нервничать по-настоящему, с чувством. Вкладывают в переживания всю свою загадочную душу. Осторожнее, это очень опасно. Разрушить то, чего вы добились, можно гораздо быстрее, чем этого достигнуть. Вы же знаете, как непросто устроить свою жизнь во Франции. Имейте в виду, вам очень крупно повезло. Вы живете в одной из самых красивых стран на земле, среди вежливых и доброжелательных людей, которые уважают ваше право быть самим собой. Вы едите самую вкусную еду в мире. И вообще наслаждаетесь жизнью. Помните об этом и старайтесь дорожить каждым мгновением.

Поверхностность, или «Развесистая клюква»

Выражение «развесистая клюква» употребляют, когда говорят о глупых стереотипах, которые окружают любое упоминание о России за ее границей.

Считается, что его использовал Александр Дюма-отец, описывая свою поездку по России (по-французски «un kliukva majestueux»). На самом деле ничего такого он не писал, и придумали это сами русские – в пародии на французских драматургов под названием «Любовь русского казака. Сенсационная французская драма с убийством и экспроприацией из жизни настоящих русских фермеров в одном действии с вступлением. Переделка из знаменитого русского романа Б. Гейера». Пародия имела шумный успех, выражение стало крылатым, но придумали его не французы.

Характерно, что в неправильном и правильном варианте происхождения этого выражения речь идет о французах, а не, например, немцах, которых на Руси тоже всегда гостило множество. Почему?

Любая чрезмерная общительность неизменно ведет к поверхностности – времени подумать не остается. Французы же – чрезвычайно общительный народ. Здесь принято иметь большой круг знакомств, выходить куда-то и весело проводить время, принимать гостей у себя дома за обедами и вообще вести активную социальную жизнь. Разговоры часто самые поверхностные – политику обсуждают нечасто, религию тоже, да и про работу говорят в общих словах. Самые приятные темы – это еда или путешествия. Вот о них и говорят. Обсуждают чьи-нибудь последние впечатления и приключения. Очень популярна тема «их нравы». Идет ли речь о ближайших соседях итальянцах или о далеких китайцах и русских, всем всегда есть что о «них» сказать.

А сколько всего можно сказать про русских! Про реалии современной России даже очень образованные люди, если они там не жили и если они не пожилые, знают очень мало. Ну и, в общем, особо ими не интересуются. Различий между Белоруссией или Москвой, например, вообще не делают. И между Москвой и Россией – тем более. Что говорят? Только про белое или черное. Что у нас много денег или что, наоборот, в России все очень бедные и пьют водку. Попытки объяснить, что у нас представители отдельных профессий (я не о чиновниках, если кто что подумал) зарабатывают больше, чем их коллеги во Франции, или что водка – это чисто народный напиток, далекий от реалий городских менеджеров, и что вообще у нас есть так называемый креативный класс, который если что-то и берет в рот, то красное вино или газировку «Перье», успеха не имеют. Обычно французы не верят и думают, что это попытки приукрасить тяжелые будни родного народа. Русских женщин французские мужчины побаиваются – наслушались жутких историй про то, как после развода истеричные жены увозят детей в морозную российскую ночь, сцапав для

комплекта еще и мужнину квартиру со всем добром. Но тихонечко о них все-таки грезят. Думают, что наши девушки все как одна мечтают выйти замуж за французов и только и делают, что готовят тортики. Вот наивные! А про русских мужчин считают, что это суровые парни и мачо. Если посмотреть недавний клип страшно модного диджея Себастьяна Теллера «Russian Attraction», там одно синхронное плавание показывают. И ведь лучшие люди!

При этом старшее поколение совсем другое. Они очень много знают про Россию, потому что интересовались страной в то время, когда ее было очень сложно посетить (сейчас можно, и никому уже не интересно). Прогрессивная часть поколения, при котором происходила революция 1968 года, и следующее за ним выросли на идеях социализма, они видели СССР в романтическом свете. Пожилые парижане будут рассказывать вам, как ездили на вашу родину во времена, «когда вы еще не родились» и «когда был Крушиев». Это был такой *voyage d'initiation* (путешествие-инициация, то есть символический переход во взрослую жизнь), необходимый любому уважающему себя молодому человеку или девушке из буржуазной семьи. Рассказывают, как нельзя было общаться с местным населением, как все ходили только группой под постоянным контролем агентов и как у нас красиво на Красной площади. Одна очень веселая и очень престарелая дама рассказывала мне, хихикая, как, совершая круиз по Волге, она познакомилась с «таааким голубоглазым» молодым человеком и как целовалась с ним на закате. Хорошо слушать приятные вещи о своей стране, и жалко, что отношение к современной России совершенно другое, совсем не такое романтическое. Большинству французов Россия сейчас, к сожалению, совершенно не интересна – в отличие от Китая, куда хотят поехать поработать или постажироваться многие молодые люди.

Что такое солидарность?

Иду я как-то по авеню Георга Пятого прямо рядом с тем местом, где оно пересекается с Елисейскими полями. В этом квартале одни бутики различных дорогих марок. На дороге пробка. Большая спортивная машина невежливо «подрезает» старенький грузовичок. «Ну где твоя солидарность, где?» – кричит вслед машине пожилой водитель грузовика. Наш, если осмелился, кричал бы: «У тебя есть совесть?» Совесть, главная составляющая русской системы моральных принципов, во французском языке отсутствует. Солидарность ее заменяет, это во Франции фундаментальное понятие, но это совершенно другое, гораздо

менее глубокое и гораздо более общественное, направленное на других, понятие. У нас это слово, связанное с коммунистическим прошлым, как-то сейчас забыто и непопулярно.

Solidarite, солидарность – это и свобода, и равенство, и в особенности братство, объединенные одним словом. Солидарность – это, по определению словаря Ашетт, «чувство взаимной ответственности между несколькими людьми или группами». Это также «братская связь, соединяющая всех человеческих существ обязательствами по отношению друг к другу». Так что же это такое? Из офиса одной радиовещательной компании выходит осанистый мужчина, очевидно, директор. «Здравствуйте, месье», – говорит он черному рабочему, который чинит под его ногами водопровод. Рабочий расплывается в улыбке. Видно, что ему приятно, что его называют «месье», его уважают и ценят его труд. У директора это слово по отношению к человеку, стоящему совершенно на другой ступени социальной лестницы, – рефлекс, продиктованный воспитанием нескольких поколений. «Месье» от этого не станет директору конкурентом, не поднимется вверх по социальной лестнице. Но он почувствует, что он тоже человек, почувствует, что он тоже чего-то стоит. Это – способ выразить свою солидарность.

К солидарности пассажиров метро обращается бездомный, который просит деньги или ticket de restaurant, талон на определенную сумму, которую можно истратить в ресторане и которые выдают многие крупные компании своим сотрудникам. Люди вспоминают, что они друг другу не чужие и в чем-то с этим человеком равны – и дают ему деньги.

«Солидарны», написано в законе, должны быть мужья по отношению к своим женам, и наоборот. То же самое касается и отношения родителей к детям, объясняют законы. А закон во Франции – это основа всех основ.

В одном из самых дорогих округов Парижа, в шестом, множество палаток с бездомными. Они живут прямо под окнами красивых квартир, жарят под ними шашлыки и выгуливают своих собак. В России, скорее всего, их бы уже куда-нибудь «дели», защищая интересы обеспеченных людей. Во Франции считается, что все люди равны, поэтому их не трогают. Они наглеют, а владельцы квартир тихо плачут. И где у этих бомжей солидарность, где?

Культ Наполеона

Наполеон хоть и император, но тоже человек. Значит, и он, как все люди, ошибался. И зачем он вообще полез в Россию? Нас не победишь! Но многие французы его обожают, потому что он символизирует бывшее величие Франции. По Наполеону ностальгируют неосознанно, как у нас по Российской империи или СССР – по времени, когда страна была великой и могучей державой.

Приведу несколько примеров. В школе, где учится моя дочь, дети делали доклады, тему которых нужно было выбирать самим. Один 4-летний мальчик выбрал личность Наполеона! Моя дочь в то время с трудом представляла, кто это.

Однажды я делала модную съемку в огромной квартире, занимавшей целый этаж элегантного здания в шестнадцатом округе. Вся мебель, от роялей и люстр до столов и стульев, была в стиле ампир, типичном для эпохи Наполеона. Этот стиль, говорила я себе, пользуется популярностью в России, поскольку ассоциируется с престижем сталинского ампира. Но почему – во Франции, сейчас, спустя более чем два века?

Чтобы убедиться в том, что Наполеон прочно занял место в сердцах французов, достаточно посмотреть на карту Парижа. Крупные, известные улицы и проспекты, например, авеню Клебер, авеню Фридланд, улица Риволи, авеню Йена, бульвар Ланн, авеню Эйло, авеню Ваграм, названы в честь либо наполеоновских генералов, либо сражений, в которых участвовала наполеоновская армия. Никто их не переименовывал после того, как Наполеона сослали. Многие памятники, такие как колонна на Вандомской площади, которую венчает статуя императора, или памятник маршалу Нею, «московскому князю», на площади Пор Руайяль, также напоминают о временах Наполеона.

Наполеон уважаем французами за то, что он стремился распространить в Европе и во всем мире идеи свободы, которые провозгласили итоги Французской революции. Считается, что мы до сих пор живем в мире, ценности которого, завоевывая другие государства, распространял Наполеон. Именно он заложил основы современного французского государства, светского и демократического, продолжив реформы, начатые во время Революции. Он основал институты, большая часть которых функционирует по сей день. Он создал образовательную систему, которая и сейчас, как при Наполеоне, контролируется государством, и

ввел в 1808 году общий экзамен по окончании школы (Baccalaureat).

Травматизм Первой мировой войны

11 ноября французы празднуют не «День победы», а «День окончания» Первой мировой войны (1914–1918). Война закончилась, и это счастье. Кто победил, уже не так важно. Пострадали-то все...

Во Франции до сих пор ощущаются ее последствия. Детям в школе рассказывают о «poilus», солдатах и героях Первой мировой войны, воевавших в окопах. 11 ноября – выходной день с 1922 года. Оставшихся в живых ветеранов, которым было больше 100 лет, каждый год чествовали во время церемонии, посвященной памяти погибших на войне, около Триумфальной арки, где в 1922 году была заложена Могила Неизвестного Солдата. Последний poilu Лазар Понтиселли умер в 2008 году в возрасте 110 лет. На его похоронах, устроенных в Соборе Инвалидов, присутствовал президент Франции Николя Саркози.

Площадь Трокадеро – одна из самых известных туристам, с нее открывается красивейший вид на Эйфелеву башню – называется на самом деле «площадью Трокадеро и 11 ноября».

На территории Франции велись активные боевые действия, и она серьезно пострадала. Среди всех стран – участников Первой мировой войны во Франции, наряду с Сербией и Румынией, погибло больше всего людей: 10 % всего активного мужского населения страны. После окончания войны страну восстанавливали десятки лет. Сельское хозяйство, и по сей день являющееся чрезвычайно важным для Франции, пострадало невероятно: во время военных действий погибла половина французских крестьян! Заводы, мосты, дома на севере и востоке страны были полностью разрушены. В колодцах была не пригодная для употребления вода. Часть страны была закрыта из-за огромного количества оставшихся в полях мин. Площадь в 120 000 гектаров объявили «красной зоной» (zone rouge), которую нужно было чистить от развалин, остатков снарядов, человеческих тел и трупов животных и «живых» мин. В зоне частично или полностью находятся 13 французских департаментов регионов Шампань-Арден, Пикардии, Эльзаса, Лоррен, Парижского региона и Нор-па-де-Кале. Всякая сельскохозяйственная деятельность была там запрещена – и не

разрешена до сих пор.

В общей же сложности в стране были разорены 3 миллиона гектаров земли (всего во Франции 54,9 миллиона гектаров). Знаменитый Реймский собор, известный нам по картинам Моне в Пушкинском музее, место коронации большей части французских монархов, был захвачен немцами и практически уничтожен, работы по его восстановлению ведутся до сих пор.

Помимо экономического и морального ущерба не нужно забывать об экологическом. В «красной зоне» осели тяжелые металлы и вредные химические вещества, в океан после войны было сброшено огромное количество ставших ненужными боеприпасов – пуль и ядер, выделяющих ртуть, которая накапливается в рыбе. Большая их часть находится прямо в воде напротив французских пляжей. И все это, разумеется, так и осталось в почве и в воде и за 100 лет никуда не делось. Некоторые деревни, буквально стерты с лица земли, не восстановили из-за большого количества зарытых в земле мин, так же как и бывшие сельскохозяйственные угодья. На их месте посадили леса, получившие название «forêts de guerre» – «военные леса». В них до сих пор находят остатки снарядов, и под этими лесами находятся тысячи погибших людей. У них, конечно, печальная репутация, и, несмотря на то, что в этих местах, например в Аргонне на востоке от Парижского региона, есть красивые аббатства и сам по себе лес довольно живописен, туристы туда не стремятся.

В масштабах такой небольшой страны, как Франция, война нанесла огромный моральный и материальный ущерб. Это была большая травма, влияние которой ощущалось в стране еще десятки лет и ощущается до сих пор.

В России же о Первой мировой войне говорят мало. Войну и память о погибших в ней (одних только военнопленных было 2,5 миллиона) стерли другие кровавые события, в нашей стране не празднуется день окончания этой войны, и о ней мало рассказывают детям.

Культ Америки

Думаете, парижанин считает, что он живет в центре мира? Это он вам так говорит. На самом деле, в душе каждый парижанин, считающий себя

просвещенным человеком, так или иначе мечтает об Америке. Кто-то отправляет туда детей учиться. Кто-то каждый год ездит на Рождество или на осенние каникулы в Нью-Йорк. Кто-то купил дом в Майами и летает туда на зиму. А кто-то просто носит футболки с американским флагом или сапоги, похожие на ковбойские. Французские марки моды, такие как Isabel Marant, American Vintage или American Retro, эту идею «американской мечты» активно эксплуатируют. У меня, кстати, тоже есть свитшот из Сан-Франциско, на котором изображен американский флаг. И я периодически его надеваю, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к просвещенным французам. И именно живя во Франции, я поняла, что обязательно отправлю своих детей учиться в Америку – если захотят, конечно.

Ездить в Америку модно, круто, обязательно. Это признак достатка, статуса, культурного уровня. Route 66, гамбургеры, мотели, обитые красным молескином сиденья, Хоппер, Манхэттен, Невада... Любой подросток должен пройти это «посвящение». Америка – это свобода, большие пространства, небоскребы, дух предпринимательства и полное отсутствие всех этих французских стереотипов, этого стыда собственных денег, бесконечного чувства вины, тревог и нытья по любому поводу.

Америка так популярна, наверное, еще и потому, что американцы освободили Францию от фашистов во время легендарной высадки Союзников «D Day» на нормандские пляжи 6 июня 1944 года. Вообще-то они освободили ее вместе с англичанами, и среди погибших в самой крупной десантной операции в мировой истории были также и поляки, и канадцы, и бельгийцы, и греки, и новозеландцы.

Но в сознании любого француза прочно засел образ американца-освободителя, старшего брата, который и умнее, и сильнее, и выше, и благодаря которому некоторые французы впервые в своей жизни попробовали шоколад (он был в пайке американских солдат наряду с мясом, хлебом, печеньем и кофе).

Если вы приедете в Нормандию на какой-нибудь курорт неподалеку от пляжей высадки (Plages de Debarquement), которые и сегодня носят «кодовые» названия времен этой военной операции, например, Юта-Бич или Омаха-Бич, все будет напоминать вам о битвах Союзников с фашистами. Это и американское кладбище с белыми крестами, и танки-мемориалы, и остатки барж, из которых выходили войска и выезжала техника, и памятники воинам, и, конечно, разбросанные повсюду остатки немецких укреплений. Но самое любопытное – это американские флаги, которые украшают рестораны, бары и кафе и прочие

места. Это, пожалуй, самое живое свидетельство уважения французов к американцам.

Думаете, если бы не тяжелые бои на территории СССР, все было бы по-другому? Скажете, мы пожертвовали миллионами человек, чтобы не допустить победы фашистов во всем мире? Я согласна. Скажите об этом среднему французу – он ответит вам, что его страну освободили американцы. И только Элен Роша, жена знаменитого кутюрье, недавно ушедшая из жизни, сказала в интервью: «Если бы не русские, нас бы здесь не было».

Поколение 1968 года

У нас в СССР были шестидесятники, «люди оттепели». Во Франции это *soixante-huitards*, или поколение 1968 года, веселые и беззаботные люди, которые и сейчас, в 70 с лишним лет, в чем-то моложе, чем их дети. Чем-то и те, и другие похожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/anna-volohova/franciya-vse-radosti-zhizni-2/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tellnovel.com/anna-volohova/franciya-vse-radosti-zhizni-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)